

Алексей Котов

**Последний
патрон**

16+

Алексей Котов
Последний патрон

«Автор»

1999

Котов А. Н.

Последний патрон / А. Н. Котов — «Автор», 1999

Книга для борьбы с плохим настроением в какой-то мере доказывающая, что искусство, по крайней мере, искусство борьбы с таким настроением, еще не умерло. А, в общем-то, это довольно безобидное и ироничное повествование на мультяшном уровне о хитроумном индейце, пытающемся удрать от полусумасшедшего полковника, а еще о неунывающей рыцарской братии, к своей беде, не утратившей понятия о чести и благородстве.

© Котов А. Н., 1999

© Автор, 1999

Содержание

Последний патрон	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Алексей Котов

Последний патрон

Последний патрон

Ироническая повесть с претензией на философское отношение к жизни и к тому, что находится на ее втором плане

Закон прерии прост и он гласит: слабые убегают, сильные догоняют, а боги наблюдают с небес. Но закон только дает рекомендацию – убежать или догнать – и совсем не объясняет, как можно удрать от взвода солдат во главе со свирепым полковником. Наверное, именно так жизнь и превращается в игру, на которую иногда желают взглянуть мрачные индейские боги, уставшие от формальных жертвоприношений.

Впрочем, Чинганчгук мало думал о богах, жизнелюбивый индеец всегда предпочитал исключительно земные радости. Это-то и привело к тому, что однажды командир форта «Белая лилия» полковник Дадли, вернувшись из командировки в соседний городок, нашел в спальне своей красавицы-гувернантки Джойс индейские мокасины. Ярости воинственного янки не было предела. Все дело в том, что очаровательная метиска-гувернантка имела куда больше прав на сердце полковника, чем его растолстевшая и сварливая женушка. С того самого времени полковник Дадли и возмечтал поймать Чинганчгука живым.

Засады и ловушки, периодически устраиваемые неутомимым и мстительным полковником, были коварны и неумелы, а сочетание таких противоречивых качеств, как известно, к добру не приводит. В ловушки то и дело попадали возвращающиеся из самоволки пьяные солдаты и местные ковбои, путешествующие с парой сотней коров в сторону железнодорожной станции. Солдаты в засаде поднимали невероятную пальбу, те кто в нее попался также не жалели патронов и дело, как правило, заканчивалось тем, что обе стороны, выяснив наконец-то кто есть кто, заканчивали перестрелку элементарным мордобоем. Затем стороны мирились, обмывали «вечную дружбу» в ближайшем салуне и драка возобновлялась с новой силой, при чем в ход шли уже не только кулаки, но и стулья, бутылки и даже доски от стойки бара.

Короче говоря, местное население страдало, Чинганчгук Большой Змей был неуловим, а полковник Дадли продолжал верить в свою удачу. Именно она-то ему и помогла!.. Если засады в оврагах и зарослях кустарника с ядовитым названием «сотня осиних жал» приносили только проклятия солдат в адрес полковника, то удача – подчеркну удача элементарнейшая, даже какая-то дикая по своей невероятности – и принесла долгожданный успех. Иными словами, та самая погоня за Большим Змеем, о которой пойдет речь дальше, началась еще в спальне красотки Джойс одним прекрасным летним утром, на исходе которого полковник Дадли вернулся из очередной командировки. Местные слухи утверждают, что полковник даже успел получить мокасином по физиономии, причем не от Большого Змея, а именно от красотки Джойс. Но, подчеркну, это только слухи. Погоня же за индейцем, второпях покинувшим женскую спальню, продолжилась сначала на территории форта, потом, после беспорядочной ружейной пальбы и пары артиллеристских залпов, в близлежащих окрестностях и наконец-то почти завершилась близ Лысой горы. Солдатам полковника удалось загнать Чинганчгука ни куда-нибудь, а именно на ее вершину.

Теперь у любвеобильного индейца оставалось только два выхода: либо броситься на залегший возле подножья взвод солдат, либо попытаться перевалить через вершину горы. Последний путь был, разумеется, предпочтительнее, – взвод еще не успел охватить гору сплошным кольцом, – но там, внизу, из-за валунов торчали стволы трех десятков винчестеров. Путь к вершине был открыт – недаром гору называли Лысой – но какими бы плохими стрелками не были бравые вояки полковника Дадли, как минимум десяти из них удалось бы прострелить индейцу ноги.

– Эй, Чинганчгук!.. – послышался снизу чей-то веселый голос. – Мы уже разложили костерчик. Иди к ручью и вымой свои грязные пятки.

Большой Змей посмотрел на свои ноги и пошевелил пальцами. Вся прерия в радиусе ста пятидесяти миль знала, что полковник Дадли мечтает только об одном – как бы поджарить пятки Чинганчгуку.

За одним из огромных валунов справа мелькнула туша полковника. Индеец насторожился. Исчезнувший было Дадли появился снова, и, оглядываясь по сторонам, встал. Судя по всему, порядком запыхавшийся полковник потерял ориентировку и считал, что ему удалось зайти в тыл к Большому Змею.

Чинганчгук почесал нос стволом «большой собаки» и невольно подумал о том, что, во-первых, азарт преследования сыграл с полковником дурную шутку; и, во-вторых, что если ему удастся пристрелить Дадли, то взамен благодарные солдаты, пожалуй, могут провести казнь без костра. Избавиться от такого гарнизонного тирана, каким являлся Дадли, было бы для его подчиненных примерно таким же счастьем, как объятия парочки девчонок или купание в бочке виски.

Большой Змей поднял тяжелый кольт и тщательно прицелился в толстое брюхо полковника. Когда бляха полковничьего ремня легла точно на мушку, индеец нажал на курок. Грохнул выстрел, кольт рвануло вверх. Чинганчгук быстро восстановил прежний прицел, и вторая пуля ушла следом за первой. Вместо третьего выстрела послышался тихий щелчок.

«Патроны кончились», – догадался Большой Змей.

Дадли швырнуло за валун.

– Полковник убит! – радостно крикнул кто-то из солдат.

Чинганчгук издал свое традиционное «йо-хо-хо!..», но настоящей радости в этом крике не было. Как, впрочем, и шансов на жизнь.

К телу Дадли метнулось несколько фигур. Почти сразу же оттуда раздался голос лейтенанта Джонса:

– Чинганчгук, скажи мне, только честно, ты куда стрелял?

– В бляху, – признался Чинганчгук и продолжил свой прежний победный вопль. – Йо-йо-хо!..

– Да заткнись ты! – крикнул лейтенант. В его голосе легко угадывалась тихая скорбь. – Спешу сообщить тебе, балбес, что ты в эту бляху и попал двумя пулями.

Вопль оборвался.

– Дадли жив? – недоверчиво спросил индеец.

– Жив, только в глубоком нокауте. Слушай, Большой Змей, тебе не кажется, что ты слишком хорошо стреляешь? – лейтенант плюнул с досады. – Положить на таком расстоянии две пули в крохотную железяку на ремне, сможет только полный кретин. Кстати, если бы ты пристрелил полковника, майор Кейман стал начальником форта, а я его заместителем. В этом случае мы могли бы отправиться с тобой на Золотую речку.

– Там нет золота, – быстро ответил индеец. – Легенды врут.

– Врут индейцы, а не индейские легенды. И, к сожалению, наш полковник жив. Сегодня ночью тебе нужно было больше потрудиться в постели. Когда у мужчины трясутся руки, он не так метко стреляет.

– А ну заткните свои вонючие рты! – неожиданно заревел пришедший в себя полковник. – Я лично пристрелю каждого, кто осмелится задеть честь моей преданной гувернантки!

Кто-то тихо гоготнул, и смех пробежал по рядам залегшего взвода, как огонек по свежему тополиному пуху.

Чинганчгук потерял саднящее правое плечо. Когда вчера вечером он забрался в спальню Джойс, его ждали настолько пылкие объятия, что любвеобильный вождь немного замешкался

и угодил рукой между железными прутьями гридушки кровати. Не увернись Чинганчгук от падающего на него следом пышного женского тела, он наверняка еще долго не смог пользоваться своим кольцом с прежним успехом за исключением разве что тех случаев, когда рукоятка «большой собаки» требовалась ему для сокрушения орехов.

Чинганчгук ощупал ворох амулетов на груди, почувствовав под пальцами холодный цилиндр с полукруглой вершиной, он с силой рванул шнур.

– Слышь, Чинганчгук! – донесся снизу ставший по-деловому резким голос лейтенанта Джонса. – Нам пора прекращать эту комедию. В конце концов, так честные индейцы не поступают.

– Что ты имеешь в виду? – неохотно отозвался индеец.

– Вместо того, что бы поджарить тебе пятки мы сами жаримся на солнце.

– Не нравится, можешь валить в казарму, – Чинганчгук освободил амулет от шнурка. –

Я никого не задерживаю.

– Лучше сдайся по-хорошему.

– А что мне за это будет? Вы слегка притушите свой костерок или передадите прощальное письмо моей скво?

Чинганчгук поднял амулет к глазам. Он был предельно прост и представлял собой самый обычный патрон для кольца. Но это был последний патрон, и Большой Змей приберегал его исключительно для себя, надеясь, при случае, избежать лишних и крайне болезненных формальностей во время перехода в Долину Предков.

Чинганчгук вставил патрон в барабан кольца и взвел курок.

– Мы что, так и будем воевать без обеда? – возмутился кто-то из солдат. – Да в гробу я этого индейца видел.

– Что бы увидеть индейца в гробу, в него еще нужно попасть, – возразил другой хриплый голос.

– В гроб попасть? – уточнил другой голос, с явно веселой интонацией.

– Нет, в индейца. А этот Быстроногий Олень, может быть, еще весь день от нас убежать будет.

– Большой Змей, – поправил нетерпеливого солдата Чинганчгук.

– Ну, значит, не бегать, а летать.

Солдаты ожили.

– А если эту Змею бомбой рвануть?

– Хорошее предложение. Запросто можно!

– Молчать, каналы! – Громовой голос полковника умел остужать страсти с таким же успехом, как и неожиданно свалившаяся на голову снежная лавина. – Мы возьмем живым этого мерзавца, даже если мне придется отправить в лучший мир половину из вас!

Солдаты испуганно замолчали.

Чинганчгук последний раз посмотрел на солнце. Оно уже заметно поднялось над горизонтом, и день обещал быть довольно жарким. Большой Змей усмехнулся и подумал о том, что на этом свете не так уж и здорово.

«Пора!..» – решил он.

Прежде чем отправиться в долину предков, как и положено перед дорогой, индеец постарался сесть поудобнее. Он оперся на правую руку и чуть приподнялся... Кольцо в его ладони издал сухой щелчок. Чинганчгук замер и, уже чувствуя под сердцем неприятный холодок, медленно поднял револьвер. Худшее предположение оправдалось – спущенный боек упирался в капсулу патрона. Любая другая осечка, случись она даже во время пальбы во время рукопашной в пьяном борделе, не смогла бы так сильно расстроить Чинганчгука.

Индеец взвел курок, перекрутил барабан кольца и снова нажал на курок.

– Что это он там расшелкался? – послышался снизу ворчливый голос лейтенанта Джонса. – Неужели патроны кончились?

– Верно! – поддержал догадку командира солдаты. – Этот прохвост почти голый из спальни выскочил. Откуда ему эти патроны взять-то?

Солдаты разговорились.

– А у него нож есть?

– При чем тут нож?

– Знал я одного индейца, так он и за сто метров мог скальп снять.

– Я бы и за пятьдесят снял... С нашего сержанта Снока, например.

– А продал бы за сколько?

– За полдоллара!

Чинганчгук внимательно осмотрел ремешок для амулетов – при определенных обстоятельствах можно было бы отправиться в Долину Предков и с его помощью. Но проблема заключалась в том, что поблизости не было деревьев с крепкими сучьями способными выдержать крепкое и любвеобильное тело мужчины. Впрочем, времени тоже не было. Внимательно наблюдавший за своим врагом полковник, вряд ли бы согласился с таким относительно безобидным способом бегства Чинганчгука в иной мир.

Индеец вздохнул и вытащил патрон из барабана кольца. При беглом взгляде выяснилось, что патрон кто-то вскрывал. Не прилагая особых усилий, Чинганчгук вытащил пулю из гильзы. В гильзе не было ни крошки пороха, вместо него там находился свернутый в упругий рулончик лист папиросной бумаги.

«Если это любовное послание одной из девушек моего племени, – подумал Чинганчгук, – после смерти, по ночам, я буду приходить в ее вигвам и дышать ей в ухо».

Индеец развернул записку. Он сразу узнал почерк своей жены.

«Мой любимый муженек! – писала скво. – Я очень надеюсь, что сейчас тебя окружило целое стадо бледнолицых, и ты уже попробовал сбежать в Долину Предков. Нет, милый, такая жалкая смерть не достойна моего вольнолюбивого мужа, особенно если учесть все то доброе, что ты успел для меня сделать...» После странного росчерка подчерк скво стал неразборчивым и дальнейшее послание Чинганчгук смог прочитать с большим трудом: «... Ты подохнешь, как собака! Ты будешь медленно поджариваться на костре, и вспоминать все те юбки, которые успел задрать! Знай, дорогой вождь, что это я предупредила полковника Дадли о том, что ты снова направился к его любовнице! Знай, что это я высыпала порох из твоего амулета и тем самым подставила твои драгоценные пятки пылающему костру! Прощай, любимый, и будь ты проклят! Твоя, теперь уже бывшая, скво».

Чинганчгук потерял шею. Он невольно подумал о том, что если бы в свое время добрый монах отец Лаврентий не выучил Дикую Лозу читать и писать, то гордой индианке, даже при всем ее желании, вряд ли бы стал доступен такой по-французски изощренный способ мести.

Индеец поднял голову и осмотрелся. Солдаты осторожно переползали от валуна к валуну и приближались, предпочитая выставлять в качестве мишени те места, ранение в которые хоть и считалось малопочетным, но зато никогда не было смертельным.

Неожиданно раздалась хрипая команда полковника Дадли:

– Стоять, каналы!

Несколько солдат послушно встали и вытянулись по стойке смирно.

Полковник выругался:

– Лежать, идиоты!

Солдаты растерянно оглянулись и, после некоторого раздумья, легли.

Кто-то глупо хихикнул:

– Ребята, а у этой индейской свиньи кажется действительно кончились патроны.

Чинганчгук горестно покачал головой. Когда у него были патроны никто не смел называть его свиньей.

Лейтенант Джонс не без интереса рассматривал возбужденное лицо полковника Дадли. Полковник молчал и в его глазах светился огонь то ли уже разведенного для казни костра, то ли адские угли ущемленного самолюбия.

– Мы ждем ваших дальнейших распоряжений, полковник, – лейтенант, устраиваясь поудобней, лег на бок. Эта расслабленная поза сразу лишила его воинственности. – Очень надеюсь, что приказы скоро последуют, иначе наши солдаты побросают винтовки и разбегутся по ближайшим кабакам.

Полковник не обратил ни малейшего внимания на вольное обращение лейтенанта к старшему по званию. Он резко встал.

– Слушай ты, индюшачья морда... – багровея, обратился он к Чинганчгуку.

– Я вас очень внимательно слушаю полковник, – донеслось сверху.

– Ну, так вот, ты всегда считал меня трусом, – продолжал полковник. – Но теперь я стою перед тобой в полный рост, каналья, и даже не знаю, есть ли у тебя патроны...

– Вы смелый человек, – заметил индеец.

– ...Я стою перед тобой, дикарем, как я уже говорил в полный рост и хочу сказать тебе прямо в глаза все, что о тебе думаю. Если тебе не понравятся мои слова, ты можешь меня пристрелить.

– Хорошо, я подумаю, – пообещал Чинганчгук.

– Итак, я хочу сказать тебе, что ты – ублюдок!

– А что это такое? – притворно удивился индеец.

Полковник замешкался. «Ублюдок» было одним из самых любимых его ругательств, но, откровенно говоря, полковник довольно смутно представлял, какой именно грех должен совершить человек, что бы претендовать на это «звание». Не зная, что ответить полковник достал из кармана носовой платок и вытер вспотевшее лицо.

– Что-то ты стал слишком словоохотливым... – пробормотал он.

– Мне больше нечего терять, сэр – индеец с грустью осмотрелся по сторонам и еще раз пожалел, что поблизости нет деревьев.

– Ты пьяница и самый развратный развратник! – снова зарычал полковник.

– С последним трудно не согласиться, – отозвался Чинганчгук.

Цвет лица полковника приобрел фиолетовый оттенок.

– Что ты хочешь этим сказать, кретин?!

– Только то, что вы слышали.

Дадли бешено вращая глазами, оглянулся вокруг, словно призывал в свидетели силы небесные и земные, включая тихо похохатывающий взвод.

– Уж не хочешь ли ты этим сказать... – медленно заговорил полковник с трудом протискивая слова сквозь сжатые зубы. – Что моя добропорядочная гувернантка, этот агент во плоти... То есть я хотел сказать ангел и ты...

– Пока я ничего не хочу утверждать, – оборвал индеец полковника. – Но, в конце концов, вы сами можете меня к этому вынудить.

Полковник воздел руки к небу и исторг целую лавину ругательств. Членораздельные слова встречались в ней примерно так же часто, как одуванчики в горячей вулканической лаве. Кое-кто из солдат заткнул уши и отполз подальше от Дадли. Когда полковник принимался бушевать, он имел дурную привычку топтать ногами совсем не обращая внимания на то, лежит ли рядом с ним солдат на огневой позиции или, что случается не так уж редко, ползет ли солдат по-пластунски из ближайшего салуна в родную казарму.

Полковник бесновался минуты три и все это время повеселевший индеец обдумывал идею, неожиданно пришедшую ему в голову. Риск, разумеется, был, но так как альтернативой

рису являлась только попытка самоповешения по методу барона Мюнхгаузена, собственноручно вытащившего самого себя из болота, Чинганчгук решил рискнуть.

– Ты клеветник, Новухудоносор и фетюк! – Продолжал между тем полковник. Он уже немного подустал, его словарный запас порядком истощился, а поэтому в обвинительной речи стали встречаться довольно редкие ругательства. – Ты фанфарон, филантроп, физиономист и лжепророк!..

Чинганчгук улыбнулся и поднял руку.

– Подождите полковник.

– Что тебе, свинья?!

– По-моему, вы, как бы это лучше выразиться, немного перегибаете палку.

– Тебе бы этой палкой да по твоей красной роже, фармацевт!

– Я не об этом, – Чинганчгук припомнил последний французский роман, который он читал, отсиживаясь в погребке святого отца Лаврентия. Стараясь соблюсти так понравившуюся ему стилистику речи, индеец быстро заговорил. – Ваши обвинения хотя и имеют некоторое, скажем чисто условное, отношение к моей персоне, но, тем не менее, я совсем не собираюсь выслушивать всяческие грязные инсинуации в свой адрес и уж тем более без предъявления каких-либо конкретных фактов.

Дадли пожевал губами и погрузился в глубокое раздумье. Полковник не любил французских романов и явным трудом переваривал только что сказанное индейцем.

Солдаты начали перешептываться, вскоре в цепи вспыхнула легкая перебранка. Кое-кому из них, а вернее тем, кто зайдя вечером в казарменный нужник не отказывал себе в удовольствии прочитать страничку-другую из прибитой гвоздем к стене стопки местных газет, показалось, что индеец, защищая честь дамы, вызвал полковника на дуэль.

Малыш Бреди и сержант Снок тут же возразили заявив, что у индейца нет сабли. Но сторонники дуэли по прежнему твердо стояли на своем. По их мнению, двум настоящим мужчинам вполне хватило бы и одной полковничьей железяки, чтобы перерезать глотки друг другу.

Наконец полковнику надоело думать, и он спросил:

– Слушай, индейский гаденыш, ты не мог бы сказать тоже самое, но другими словами?

– Во-первых, не гаденыш, а Большой...

– Змееныш! – выкрикнул кто-то из солдат.

Все уткнулись носами в землю. Спины солдат тряслись от немого смеха.

– ... Большой Змей, – спокойно закончил фразу Чинганчгук. – А, во-вторых, полковник, какими именно словами я должен выражать свои мысли, если вы, произнося свою обвинительную речь, не используете ни одной мысли?

Витиеватость речи индейца снова сбила полковника с толка.

– Что б ты сдох, ты не мог бы говорить проще, собака?!

В солдатской цепи кто-то тихо гавкнул. Смех возобновился, но тут же стих под яростным взглядом полковника.

– Ладно, полковник, – донеслось сверху. – Я скажу проще – вы только что меня оскорбили.

– О, Боже, наконец-то! – полковник настолько грязно выругался, что покраснел даже сержант Снок. – Ну и что же конкретно тебе, грязный пес, не понравилось, если не секрет?

– Разумеется не секрет. Я не лжепророк.

Индеец был прав. Последний раз он имел отношение к религии, когда обобрал валяющегося на дороге пьяного баптиста. При этом он не испытывал ни малейших угрызений совести поскольку тот человек нарушил божью заповедь, которую сам же обязался свято соблюдать.

– Если ты не лжепророк, значит ты еще хуже! – проревел полковник.

– Послушайте, сэр, – голос индейца стал официально сух, – вы оскорбили меня второй раз и я не советую вам сделать это третий. Лжепророк!.. Что может быть страшнее для индейца?

– Ты мне советуешь?! Я буду поджаривать твои пятки на костре до тех пор, пока ты не раскroeшься во всех своих грехах. Ты всегда был, есть и будешь лжепророком!

Чинганчгук привстал так, чтобы полковник наконец смог его увидеть. Расстояние между врагами оказалось значительно меньше того, на которое рассчитывал полковник.

– Посмотрите сюда, сэр. Что вы видите? – Чинганчгук протянул вперед раскрытую ладонь. На ней, в ворохе, состоящем из шнура и нескольких замысловатых колдовских регалий, тускло блеснула медь. – Вы видите обычный индейский амулет. Теперь я снимаю вот эту вещицу со шнура. Р-р-раз! Что мы видим? Самый обыкновенный патрон, сэр...

Чинганчгук быстро откинул барабан кольца в бок, вложил в него патрон, вернул барабан на место и взвел курок. Перезарядка «большой собаки» заняла у него одну секунду.

Полковник окаменел.

– Вам понравилось, сэр? – Большой Змей улыбнулся. – Откровенно говоря, я приберегал этот патрон исключительно для себя. Но вы смертельно меня оскорбили, и я решил подарить его вам.

Дадли молча рассматривал револьвер в руке индейца. Он вспоминал все легенды, в которых рассказывалось о меткости Большого Змея, и пришел к выводу, что их не просто много, а потрясающе много.

Лейтенант Джонс приподнялся на локте и громко крикнул:

– Взвод, слушай команду!..

Полковник ожил.

– Отставить, идиот! – тихо прошипел он. – Ты, что не видишь, что я на мушке у этой каналы?

Солдаты нехотя опустили ружья.

– Полковник, – горячо и достаточно громко для того, что бы его мог услышать индеец, зашептал Джонс. – Попробуйте лечь. Если вы ляжете быстро, то индеец обязательно промахнется.

Дадли внимательно взглянул на лицо Чинганчгука. Ответный взгляд индейца был спокоен и даже насмешлив. Полковник сглотнул густую слюну и подумал о том, что если сейчас он получит пулю в живот, причем уже не в бляху, то его красавица гувернантка вряд ли долго будет носить траур.

– Иди ты к черту, лейтенант, – полковник покосился на Джонса. – Порядочный офицер на твоём месте попытался закрыть своего командира грудью.

«Моя грудь, пожалуй, не сравнится с грудью красавицы Джойс, – подумал лейтенант. – Но даже эта легкомысленная блондинка не совершила бы подобной глупости!»

Вслух он сказал:

– Да, сэр, вы правы. Но даже если и я успею сделать это, то на таком расстоянии пуля кольца прошьет меня насквозь, не потеряв и половины своей убойной силы.

– У меня все-таки появится шанс.

– Зато у меня его не будет.

– Я разжалую тебя в рядовые! – побледневшее было лицо полковника, снова слегка порозовело. – Я отправлю тебя в штрафную роту. На Аляску, к белым медведям!

Лейтенант Джонс поморщился и промолчал. С таким командиром, как полковник Дадли, не стоило спорить.

«В конце концов, ведь он еще жив», – решил лейтенант.

– Эй, полковник, – крикнул индеец. – Пусть твои ребята отложат свои пушки в сторону. По-моему они начинают немного нервничать.

– Слушай ты, индейская свинья, – тут же (и по его собственному мнению весьма вовремя) взорвался лейтенант Джонс, – тебе кажется, что когда полковник сказал, что ты стал слишком

словоохотливым, он был абсолютно прав? Может быть, мы должны не только сложить свои винчестеры, но и еще одолжить тебе немного денег на виски?

– Неплохая идея, – согласился индеец.

– Да? В таком случае, я сейчас скажу тебе все, что еще не успел тебе сказать полковник.

Ты – шельма и совратитель!

– Полковник, если этот тип не перестанет говорить обо мне правду, я вас пристрелю, – Большой Змей улыбнулся и чуть приподнял колыт.

Лейтенант немного привстал на локте. Его глаза возбужденно загорелись.

– И ты еще смеешь мне угрожать, краснорожий?!

– Не вам, а вашему начальнику.

– Да какая к черту разница, если речь идет о чести офицера армии Соединенных Штатов! – лейтенант Джонс немного театральным жестом рванул ворот форменной куртки и чуть было не воскликнул: «Стреляй подлая душа! Стреляй тарантул!», но вовремя сдержался. Он смутно припомнил, что такие слова уже где-то звучали и возможно в одном из рассказов О. Генри.

– Лейтенант, немедленно прекратите истерику, – порозовевшее лицо Дадли снова побелело. – А вы, ребята, действительно отложите-ка пока свои стволы в сторону. Поговорим лучше с этим мерзавцем спокойно.

Солдаты нехотя подчинились. Конечно, кое-кто из них подумал о том, что бы слегка нажав на курок своего «винни» спровоцировать индейца на ответный выстрел, но, во-первых, «большая собака» Чинганчгука могла дать осечку; во-вторых он мог промахнуться и, в-третьих, полковник Дадли уже не раз доказывал свое дьявольское везение и умение выпутываться из казалось бы безвыходных ситуаций. Например, однажды после карательной экспедиции против племени ирокезов (на солдатском жаргоне «головорезов») полковник Дадли вернулся в форт в полном одиночестве (как выразился генерал Шерман «в единственном экземпляре») растеряв в прериях и ближайших каньонах целую роту. Разумеется, любой другой такой же храбрый полководец, оказавшийся на месте Дадли, тут же, строевым шагом, отправился в военно-полевой суд, но полковнику неслыханно повезло, потому что как раз заглянувшему в его форт с инспекторской проверкой генералу Шерману не с кем было выпить. Леденя душой, полковник сел за стол. Находясь в состоянии чем-то очень напоминающую невысказанную женскую истерику, Дадли сразу же стал воспринимать любую случайно-меланхоличную реплику изрядно захмелевшего генерала типа: «Да ты пей, полковник, пей...» примерно так же как принимает последний приказ умирающего императора японский самурай. Короче говоря, желая хоть чем-нибудь угодить своему начальству, полковник начал пить так, как не решилась бы пить любая, решившая покончить жизнь самоубийством лошадь после скачка на сто миль. Полковник пил, совершенно не обращая внимания на то, что он пьет, из сосуда какого размера, и не сводил преданных глаз с генеральской физиономии. Конечно же, это был очень опрометчивый поступок. Давно решившие от него избавиться лейтенант Джонс и майор Кейман, принялись подсовывать под руку Дадли самые разнообразные и все более возрастающие по объему сосуды, пока, наконец, не дошли до весьма вместительного ведерка, из которого хлебала конский суп гарнизонная любимица овчарка Сюю. Полковник выпил и из него, но не только не умер, но и по-прежнему оставался таким же трезвым как прошлогодняя еловая шишка. Он немного захмелел лишь только тогда, когда генерал Шерман устал распевать старые солдатские песни, взмахом руки смел со стола все приборы и полез к нему целоваться. Никому не доверяя трепещущее генеральское тело, полковник Дадли лично отнес его в спальню и уложил на свою кровать не забыв прогнать оттуда красавицу Джойс. На следующее утро он списал погибших во время экспедиции солдат на эпидемию брюшного тифа. Генерал Шерман подписал составленный лейтенантом Джонсом протокол не глядя, и правильно сделал, так как при более внимательном прочтении ему невольно пришлось бы обратить внимание на две существенные и

довольно ехидные описки сделанные мстительным Джонсом. Во-первых, вместо «от брюшного тифа» лейтенант написал «от брюшного мифа», а, во-вторых, чуть ниже, не «скончались», а «пали смертью героев, не сдавшись в плен».

Чинганчгук поманил Дадли кольцом.

– А теперь идите сюда, полковник.

Дадли сделал пару шагов, не отрывая взгляда от оружия в руке индейца. Тот понимающе хмыкнул.

– Итак, сэр, если я не ошибаюсь, вы хотели мне что-то сказать. Извините, что я прервал вас, но теперь вы можете продолжать. Даю честное слово индейца, мне хочется услышать правду о себе именно от вас, а не от лейтенанта Джонса. Он максималист и его мнение мне не интересно. Итак, продолжайте, полковник.

Дадли молчал.

– Ну? Я жду, сэр! – Чинганчгук любовно погладил «большую собаку». – Не стесняйтесь.

Дадли поморщился.

– Слушай, парень, – медленно и с трудом заговорил он, – мы тут немного погорячились, но это еще не значит, что я к тебе плохо отношусь...

– Конечно, мы немного погорячились, – оборвал Дадли Чинганчгук. – Я убежал, а вы меня догоняли. Интересно, зачем?.. Вы хотели мне сказать, что относитесь ко мне как к родному сыну?

Дадли проворчал в ответ что-то не очень вразумительное. Все слова, которые еще совсем недавно буквально распирала мозги полковника, вдруг куда-то исчезли, а вместо них, как дыра в старом заборе, чернела самая обыкновенная тоска.

– Ну что ж, – Чинганчгук задумчиво потер стволом кольта кончик носа – Мне кажется, сэр, что сейчас вы не склонны говорить о моих недостатках. Хорошо, тогда давайте поговорим о ваших. Что вы можете сказать о себе, полковник? Вы хороший человек?

– Ну... Я думаю... – нерешительно и тихо сказал полковник. – Я думаю, что да...

– Вот видите, вы не уверены. Но у вас, как и любого другого человека, наверняка есть недостатки. Я бы хотел услышать несколько слов о них. Кстати, подойдите поближе и станьте немного левее, так мне будет лучше видно ваше лицо. Я не люблю, когда мне врут в глаза, сэр. Вот так... Спасибо. Теперь если кто-то из ваших солдат вздумает пристрелить меня, для начала ему придется потренироваться на вас. Итак, я вас слушаю, сэр!

Полковник молчал.

Лейтенант Джонс грыз кулак и не сводил глаз с валуна, из-за которого виднелись плечо и голова индейца. Из массы самых разнообразных идей он никак не мог выбрать одну нужную, то есть ту, которая при должном казенном оформлении рисовала бы гибель полковника в наиболее героических, а возможно даже трагических, красках.

Чинганчгук перехватил внимательный взгляд лейтенанта Джонса, устремленный на спину Дадли, и поймал себя на мысли, что он ни за что на свете не пожелал, что бы кто-нибудь вот также смотрел ему в затылок. Гораздо более безопасным было бы наступить босой ногой на клубок гремучих змей.

Пауза явно затянулась. Чинганчгук притворно вздохнул.

– Итак, сэр, как я понимаю, вы отказываетесь говорить?

Дадли хотел утвердительно кивнуть, но не смог сделать даже этого. Он с трудом поднял руку и дрожащими пальцами расстегнул верхнюю пуговицу мундира. Пот градом катил по его бледному лицу.

В глазах лейтенанта Джонса наконец-то блеснуло осмысленное выражение.

«К черту все! – подумал он. – Чего я боюсь, безоружного полковника или индейца, у которого остался только один патрон?»

Лейтенант вытер рукавом вспотевший лоб. Легкое движение лейтенанта не ускользнуло от внимания Чинганчгука. Увидев округлившиеся и неподвижные глаза Джойса, индеец быстро сказал:

– Полковник, станьте, пожалуйста, чуть левее.

Пока Дадли осмысливал команду, лейтенант Джонс отложил в сторону кольт и взял винчестер у ближайшего солдата. Большой Змей выругался, уже не было времени повторять команду времени, и он метнулся вправо. Грохнуло два выстрела. Джонс в сердцах сплюнул и ударил левой ладонью по земле. Стрелять в третий раз не было смысла – Чинганчгук уже находился на одной линии с Дадли.

Индеец присел на землю и, не отрывая взгляда от побледневшего до синевы полковника, осторожно ощупал свободной рукой правую пятку. Джонс все-таки попал в него – вторая пуля ударилась в валун примерно в метре от него и острый как бритва осколок камня, немного попортил то место на ноге индейца, которое мечтал поджарить Дадли.

Полковник оглянулся и посмотрел на Джонса. К искреннему удивлению солдат и самого Джонса в его взгляде не было гнева, скорее там была только рассеянность.

– Кто стрелял? – тихо спросил он.

Лейтенант отбросил винчестер в сторону и громко выругался.

– Кто стрелял? – уже громче повторил Дадли.

– Ну, я!..

– Вы, Джонс? Зачем?

– Я хотел пристрелить грязного индейца.

Лицо полковника передернуло судорога.

– Разве вы не слышали моего приказа? – Дадли говорил тихо, но старые солдаты уже достаточно хорошо изучившие его характер знали, что это было даже не затишьем перед бурей, а скорее легким шорохом кладбищенского ветра перед Страшным судом.

– Я хотел спасти вас, сэр.

– Спасти?

– Да, черт побери!

– Вопреки моему приказу? Кто из нас командир, Джонс, вы или я?

– Перестаньте нести чушь, полковник. Какой вы командир? Сейчас вы в плену, а пленный не может отдавать приказы.

– Та-а-ак... Значит я в плену, – в голосе полковника послышались первые громовые раскаты, а на щеках выступили еще очень осторожные, как тучи на горизонте во время засухи, красные пятна. – А почему ты так решил, сукин ты сын?

Лейтенант Джонс презрительно скривился.

– Потому что именно такое решение мне подсказывает здравый смысл. А если это не так, то почему вы не вытащите из своей кобуры кольт и не пристрелите этого краснорожего?

– Краснокожего, – поправил Чинганчгук.

– А какая к чертям разница! – взорвался лейтенант Джонс. – Слушайте, полковник, вы не хотите, что бы стрелял я? Тогда стреляйте сами! И если вам суждено умереть, то умрите с честью.

– Боже милостивый! И ты еще говоришь мне о чести, подлец?! – взревел Дадли.

– А почему бы и нет, если вы сами о ней забыли?

– Клянусь стаканчиком виски на крышке гроба моей матушки, – тихо прошептал рядовой Бредли на ухо сержанту Сноку, – оказывается, наш лейтенант не такой уж простецкий малый за которого он так старательно себя выдавал. При случае он может постоять за себя.

Сержант Снок скептически улыбнулся.

– Может быть это и так, Малыш, – прошептал он в ответ. – Но не хотел бы быть на месте лейтенанта Джонса, если полковник вернется в форт живым. Белые медведи и Аляска это еще не самый худший вариант карьеры.

– А кто тебе сказал, что полковник вернется живым? – Малыш Бредли хитро подмигнул. – В данный момент я не поставил бы и гроша на этот вариант.

– Ты уверен?

– Конечно. Я хорошо знаю Джонса. Если этот «певец» взял первую ноту, значит, он надеется довести всю «арию» до конца. Но нам с тобой не будет от этого хуже.

Впереди снова послышалось утробное, чем-то напоминающее раскаты грома, рычание полковника. Оба солдата прервав свой разговор, устремили взгляды на Дадли.

– Безмозглый прохвост!.. Паразит! Убийца! – к Дадли вернулся его обычный здоровый, то есть ярко красный, цвет лица и прежняя зычность голоса. – Изверг!.. Индейский прихвостень!

– Полковник, идите вы к черту, – огрызнулся Джонс.

Он бросил выразительный взгляд на лица солдат и, словно призывал их в свидетели, громко крикнул:

– Я повторяю еще раз, полковник, я только хотел спасти вас.

Кое-кто из солдат понимающе кивнул в ответ.

– Ты... Спаси?! – полковник задохнулся от охватившей его ярости. – Да ты не лейтенант американской армии, негодяй! Ты Верная Рука – друг индейца.

– Что ж может быть, но я не обладаю индейским терпением.

– Ты снова хочешь выстрелить в меня, каторжник?!

– Разумеется, не в вас. Я хочу выстрелить в индейца. И не моя вина, если он выстрелит в ответ.

– Если ты сделаешь это, ты станешь убийцей и пойдешь под трибунал!

– Вы уверены? – Джонс отбросил барабан кольта в сторону и вытряхнул на землю отстрелянные гильзы. – А вот я думаю, что солдаты засвидетельствуют, что я хотел спасти вас.

– От кого дьявол тебя задери?!

Лейтенант Джонс пожал плечами и вытащил из подсумка горсть патронов.

– От кого? Может быть от самого себя.

Чинганчгук закончил перевязывать пятку и поднял голову.

– Полковник, – окликнул он Дадли. – По-моему вам лучше подойти ко мне ближе. Тогда Джонс вряд ли посмеет выстрелить.

Раскрасневшийся Дадли обернулся и смерил индейца презрительным взглядом.

– Ты смеешь давать мне советы?!

– Не горячитесь, полковник. Джонс может промахнуться, а вот я нет. – Большой Змей осторожно поставил ногу на землю и медленно встал. Боль в пятке была, но не большая. При желании с такой травмой можно было бы отмахать за день добрые пятьдесят миль. – И неужели вы не понимаете, что сейчас я ваш единственный союзник? А вы мой последний шанс и я искренне хочу, что бы вы протянули как можно дольше.

За спиной Дадли сухо щелкнул взведенный курок. Полковник вздрогнул и бросился к индейцу. Лейтенант поднял кольт. Толстая спина полковника, туго обтянутая мундиром, нелепо подпрыгивала на мушке, почти полностью заслоняя собой индейца. Джонс улыбнулся и дважды нажал на спусковой крючок.

Первая пуля сбила с Дадли фуражку, вторая сорвала погон. Ругаясь на чем свет стоит, Дадли подбежал к индейцу и, споткнувшись на последнем шаге, тяжело повис у него на плечах. Чинганчгук ободряюще улыбнулся и похлопал его по спине.

– Все хорошо, полковник. Мы еще живы.

Дадли с трудом восстановил равновесие. Не обратив на приветствие Большого Змея ни малейшего внимания, полковник повернулся к нему спиной. Те слова, с которыми он обратился к лейтенанту Джонсу хотя и имели некоторое отношение к языку автора «Гамлета», тем не менее, почти наверняка не были ему знакомы, за редким исключением вроде «мама» и «пошел». Что касается самого Джонса, то гнев Дадли его несколько не смутил. Лейтенант молча рассматривал свой кольт и чему-то загадочно улыбался.

– Полковник, возьмите себя в руки, вы еще не на свободе, – Чинганчгук слегка толкнул в спину Дадли стволом «большой собаки». – Вы что не видите, что ваши призывы к совести офицера абсолютно не действуют на Джонса?

Дадли замолчал и скользнул взглядом по лицу индейца. Оно было совершенно спокойным. В глазах Дадли вспыхнули прежние искорки недоброжелательства.

– Ты радуешься... Индеец?

– Полковник, вы задаете столь много вопросов, что на них не смогла бы ответить и учительница женской гимназии в местной резервации.

Грохнул очередной выстрел. Тяжелая 12-ти миллиметровая пуля кольта прошла между ног Дадли, несколько раз срикошетила о валуны за спиной индейца и, вернувшись в почти противоположном направлении, лишила полковника второго погона. Услышав над головой свист своей собственной пули, лейтенант Джонс хмыкнул и на всякий случай прилег.

Дадли хотел присесть, но в его спину тут же снова уперся ствол «большой собаки». Полковник вытер пот и расстегнул очередную пуговицу на мундире.

– Послушай... Как тебя там? – полковник облизнул пересохшие губы – Чингисхан, что ли?

Индеец улыбнулся.

– Называйте меня Большой Змей, полковник. Так вам будет проще выговорить.

– Хорошо, Змей...

– Змей, с вашего разрешения.

– Да, Змей. Ты не считаешь, что нам лучше залечь?

– Если мы ляжем, сэр, нас могут неправильно понять.

– Ты о чем, дьявол тебя задери?

– Пока мы стоим, ваши солдаты видят, что вы живы и нам обоим ничего не грозит, – терпеливо объяснил Чинганчгук. – А как только мы исчезнем из вида, у лейтенанта Джонса появится отличный шанс для интриги.

– А если солдаты уйдут, ты отпустишь меня?

– Разумеется.

– Ты даешь слово?

– Я могу вам подарить не одно, а целых десять слов. Но боюсь, что даже если бы их было в сто раз больше, вам не все равно оставалось бы ничего другого, как просто довериться мне.

– Довериться индейцу? То есть я хотел сказать поверить Змее?

– Змею, при чем Большому, полковник. Кстати по моим наблюдениям вера – весьма не лишняя вещь на свете. Как говаривал святой отец Лаврентий иногда она способна творить чудеса гораздо большие, чем простая искра в бочке с порохом. А теперь будьте так любезны, пожалуйста, вытащите из кобуры свой кольт и попробуйте пристрелить лейтенанта Джонса. Он, кажется, опять в вас целится.

Дадли передернуло.

– Я не имею права стрелять в офицера армии США!

– А он в вас?

Полковник пошевелил пальцами правой руки и вытер их о штанину. Чинганчгук увидел, как напряглась и сразу же ослабела под туго натянутым мундиром лопатка Дадли.

Внизу грохнул еще один выстрел. Пуля ударилась о землю в нескольких сантиметрах от ноги Чинганчгук. С десятков мелких и острых как иголки камня ужалили босые ноги индейца. Большой Змей молча покосился на полковника. Тот о чем-то сосредоточенно думал. Спешить полковник кажется не собирался – он был в сапогах.

Чинганчгук слегка подтолкнул Дадли стволом «большой собаки».

– Вы что уснули? Мы стоим как две мишени! А если мы ляжем, Джонс тут же обвинит меня в попытке изнасилования офицера США. Стреляйте же в ответ, черт вас побери!

– Я хочу спросить... – голос полковника зазвучал странно глухо. – Там, в форте... Ты был с моей Джойс?

Морщинистая щека полковника маячила возле самого носа индейца и на ней мелко пульсировала синяя, старческая жилка...

Лейтенант Джонс прицелился еще раз. Его физиономия буквально светилась от азарта бильярдного игрока старающегося положить в лузу последний шар.

– Перестаньте, лейтенант! – окликнул его сержант Снок.

Лейтенант нехотя взглянул на него.

– Что тебе, сержант? – грубо спросил он. – Ты понимаешь, что делаешь замечание офицеру?

– Во имя Господа Бога... – начал было сержант.

– Заткнись!

– Послушайте, лейтенант, – заступился за своего друга Малыш Бредли. – Вы, конечно, в праве делать все, что сочтете нужным. Но, честное слово, вы сильно рискуете. В форте наверняка начнется следствие и из нас всех начнут выжимать факты.

– И что же ты скажешь?

– Простите, лейтенант, но это не очень умный вопрос. Нас тут три десятка человек. Кто-то из них скажет в вашу пользу, кто-то нет. Но трибунал – не парламент. Вы хотя бы это понимаете?

Лейтенант Джонс усмехнулся. Прежде чем вложить кольт в кобуру, он выстрелил в воздух...

Полковник вздрогнул и присел. Он не хотел умирать, не узнав правды о своей любимце Джойс. Чинганчгук почесал кончик носа стволом «большой собаки». Если бы полковник Дадли был, допустим, отцом Джойс, то тогда бы он наверняка не совершил нелепого поступка с претензией на геройство и заслуживал бы скорее жалости, нежели презрения.

– Полковник, уверяю вас, Джойс интересуется меня точно так же как пьяная драка ковбоев.

– Тогда почему я регулярно нахожу тебя в ее спальне?!

– Это единственное место, где я могу спокойно отдохнуть и выспаться. Вы очень упорны в преследовании, полковник.

– Ты считаешь меня идиотом?! Я застаю тебя с Джойс уже третий раз за последний месяц! Большой Змей подтащил к себе упирающегося Дадли.

– Полковник, вы военный человек, а не понимаете самых элементарных вещей. Снаряд никогда не падает дважды в одну и ту же воронку, сэр. Это хорошо знают ваши солдаты, когда ищут укрытия на поле боя. Первый раз я пробрался к вам в форт, чтобы одолжить пару лошадей. Вдруг поднялась отчаянная пальба. Я не люблю ночной перестрелки, и решил, что никто не будет искать меня в спальне вашей любимой гувернантки. Джойс спала, и я тихо присел возле ее кровати. А потом появились вы...

– Я ничего не понимаю! Джойс сказала мне, что она потеряла сознание.

– Да?.. Тогда я не заметил, как она проснулась. Теперь представьте себе на минуту: молодая женщина неожиданно просыпается и видит возле кровати индейца обвешанного перьями и с томагавком в руке. Джойс любит на ночь читать французские романы?

– Понятия не имею, а что?

– Подобное чтиво делает женскую психику особенно ранимой. Это я знаю из опыта общения со своей скво. Впрочем, это не относится к теме нашего разговора. Так вот, я не люблю делать повторные визиты и особенно в те места, где мне не с кем выкурить трубку мира. Но через неделю у меня кончились патроны. В этом есть и доля вашей вины, полковник. Ваши подчиненные – довольно бойкие ребята. Особенно когда они напиваются. Я встретился с десятком таких возле Пьяного Моста через Золотую речку и неплохо побеседовал с ними. Правда, во время этого разговора мне пришлось восемь раз перезаряжать свой «винни».

– Ты ранил пятерых!

– Полковник, я мог пристрелить их всех. Но дело в том, что я не люблю когда у меня над головой хлопают крыльями души невинно убиенных. Короче говоря, мне пришлось нанести вам повторный визит и, увы, мне снова не повезло. Снова поднялась жуткая пальба, и я подумал о том, о чем вам говорил чуть раньше: снаряд в одну воронку дважды не падает. Поэтому я вторично спрятался в спальне вашей гувернантки.

– Ты все врешь! Я хорошо помню, что когда тебя нашли второй раз, никто не стрелял.

– А за два дня до того, как меня нашли?

– Ты хочешь сказать, что пробыл в спальне Джойс два дня, и она не попыталась пристрелить?

– Разумеется, она попыталась, сэр.

– Но почему ты жив, черт бы тебя побрал?!

– Полковник!.. Сэр! Да будет вам известно, что меня расстреливали шесть раз. Последний раз, если мне не изменяет память, это попытался сделать взвод Национальной Гвардии возле водопада Чертова бездна. По-моему от меня ждали, что я стану осыпать проклятиями бледнолицых, и сам брошусь на их штыки. А я просто прыгнул вниз...

– А зачем ты приперся в форт в третий раз?

– У меня кончилось виски...

– Ложь!

– ... И табак.

– Уж не считаешь ли ты мой форт своей продовольственной базой?!

– Конечно, нет, полковник. На любой такой базе, если тебя нет в строго определенных списках, нужно платить деньги, а у меня их не так много, как хотелось бы. Короче говоря, когда во время третьего визита я взял все необходимое и уже шел к воротам, мне снова не повезло – я споткнулся о пьяного часового. Малый вряд ли бы проснулся и от более крепкого толчка, но как только я уронил ящик с виски, он сразу же вспомнил о своем долге. Мне пришлось спрятаться.

– И сколько на этот раз ты пробыл в спальне Джойс?

– Три дня, сэр, и вы можете легко проверить мои слова. Ровно за три дня до того, как вы обнаружили в спальне Джойс, вашем форте пропал ящик виски.

Дадли растерянно заморгал глазами. Виски во вверенном ему форте пропадало чуть ли не каждый день.

– Кстати, полковник, однажды в казино в Сан-Хуане на рулетке три раза подряд выпало «зеро». Как только оно выпало в третий раз, крупье сразу же пристрелили. Никто даже не попытался выслушать его объяснений потому, что третье «зеро» не смог бы объяснить и сам отец Лаврентий!

– Послушай, Снок... – лейтенант Джонс жевал невесть откуда взявшуюся травинку и с холодным любопытством рассматривал две фигуры возле вершины горы. – Ладно, эта парочка наверху нашла тему для беседы, но какого черта бездействуем мы?

– Вы тоже можете попробовать договориться с индейцем, сэр.

– О чем?

– Он должен отпустить полковника.

– Индеец ничего нам не должен. И примерно с таким же успехом я могу попросить его, чтобы он застрелился, – лейтенант поморщился и взглянул на Бредли. – А ты что думаешь, Малыш?

– Я думаю о том, сэр, что полковника никто не любит. В него может выстрелить любой из наших ребят, а потом он постарается свалить вину на вас, потому что вы первый показали свое нерасположение к полковнику. Ведь вы уже стреляли в него.

– Я стрелял в индейца. Кроме того, почти все слышали, как щелкал курок его кольта. У Большого Змея кончились патроны.

– Индеец не так глуп, сэр. Он предъявил нам последний патрон, который таскал в своем чертовом амулете.

– Ладно, что ты предлагаешь?

Малыш Бредли усмехнулся. Он сунул в рот трубку и не спеша закурил.

– Прежде чем начать наступление, нужно позаботиться о тыле, сэр.

– Что ты имеешь в виду?

– Поскольку, как я уже говорил, в индейца может выстрелить любой, вы должны быть на виду. Вам нужно алиби, сэр.

– Спасибо за заботу, Малыш. Итак, ты тоже понимаешь, что выстрел все равно будет. Но мне не очень-то нужен мертвый индеец.

– Значит должен умереть полковник. Но как раз в него нельзя стрелять.

– Ты хорошо соображаешь, Малыш. Интересно, а как ты стреляешь?

– Тоже неплохо, сэр.

– Отлично! – лейтенант Джонс встал и отряхнул форменные брюки.

Присев на валун, он достал сигареты. Солдаты, кто с любопытством, а кто с удивлением, смотрели на своего командира.

– Рядовой Бредли! – рявкнул Джонс.

– Да, сэр!

Бредли подскочил как подпружиненный чертик из шкатулки.

– Там чуть ниже есть ручей. Идите и наберите воды. Можете не спешить, у нас еще масса времени.

– Есть, сэр!

Лейтенант Джонс потерял к Бредли интерес. Он помахал рукой полковнику и индейцу.

– Как дела, ребята? – белозубо улыбаясь, спросил он.

Выстрел был почти не слышен, так как прозвучал довольно далеко, но пуля едва не оторвала Дадли кончик носа. Полковник зарычал и, выхватив кольт, разрядил весь барабан в сторону улыбающегося лейтенанта. Джонс выругался, упал и отполз за валун.

Чинганчгук удовлетворенно кивнул головой.

– Хватит, полковник. Этот тип совсем обнаглел, – индеец не без усилия вытащил кольт из рук Дадли и взвесил его в руке – У вас еще есть патроны? Нет? Жаль.

Полковник уже несколько освоился с положением заложника и прорычал в ответ:

– А пошел ты!..

– Остыньте, полковник. Знаете, чем мы отличаемся друг от друга? Тем, что в отличие от вас я оптимист. Вы удивлены?

– Я скорее возмущен тем, что ты до сих пор жив. Потому ли ты никак не можешь забыть дорогу в спальню Джойс?!

– Полковник, ваше поведение становится просто не выносимым. Вы слишком ревнивы и вам нужно изменить свой характер, иначе когда-нибудь утром вы умрете от носового кровотечения. Хотите стать оптимистом, полковник?

– Я им стану, если ты мне объяснишь записку, которую мне передали вчера. В ней черным по белому было написано, что ты снова припрешься к Джойс.

– Все очень просто, сэр. Записку, о которой вы мне сказали, конечно же, написала моя жена. Этой бедной женщиной руководило чувство элементарной ревности. И уж кому как не ей было знать, где я прятался дважды и куда, в случае опасности, я сунусь наверняка еще раз? Если хотите, это доказывает мою невинность. Если бы я испытывал какие-то чувства к Джойс, я ни за что не рассказал своей скво о своем вынужденном визите в ее спальню.

Чинганчгук врал. Дикая Лоза догадалась о новой любовной связи совсем не потому, что он рассказал ей об этом сам. Просто Джойс любила духи «Ночь любви», запах которых не испарялся с мужского тела даже после пятидесятимильной пробежки при полном индейском вооружении. Кроме Джойс, в окружности двухсот пятидесяти миль, такими духами не пользовался никто.

Полковник немного подумал.

– Значит, тебя выдала твоя же собственная жена?

– Да и могу привести вам еще одно доказательство. Уверен, что в записке, которую вам подбросили, мне давалась довольно оскорбительная характеристика. Но заметьте, полковник, это именно такая характеристика, которую может дать только жена и только своему мужу. Например, я уверен, что она написала вам, что я – бабник. Скажите, полковник, если один мужчина называет другого бабником, должен ли второй воспринимать это как оскорбление? Разумеется, нет. Это, скорее всего, комплемент. Так что все дело в женщинах, дорогой полковник.

– Откуда мне знать, что ты мне не врешь? – в голосе Дадли легко угадывалось сомнение.

– Действительно не откуда? Но это чисто риторический вопрос, полковник. Поэтому попытайтесь и в самом деле стать оптимистом, то есть поверьте мне на слово. Такая вера может подарить вам жизнь. В противном случае лейтенант Джонс разделается с нами обоими. Точнее сначала я разделаюсь с вами, а потом он со мной. Впрочем, у меня в отличие от вас даже есть некоторый шанс. Джонс уже давно предлагает мне прогуляться с ним на Золотую Речку. Он гарантирует полный комфорт путешествия. Боюсь, что после вашей смерти я не смогу ему отказать до, а после прогулки к речке у меня просто не будет возможности сделать это. Нам пора сматываться отсюда, полковник.

– Эй, ребята, – подал голос лейтенант Джонс, – о чем вы там беседуете?

– Заткнись, Верная Рука! – закричал в ответ Дадли. – Тебе нет до этого никакого дела!

– Да? А если вы, полковник, выдаете индейцу наши военные секреты?

Дадли передернуло.

– Ну, подожди, подонок, я еще разберусь с тобой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.